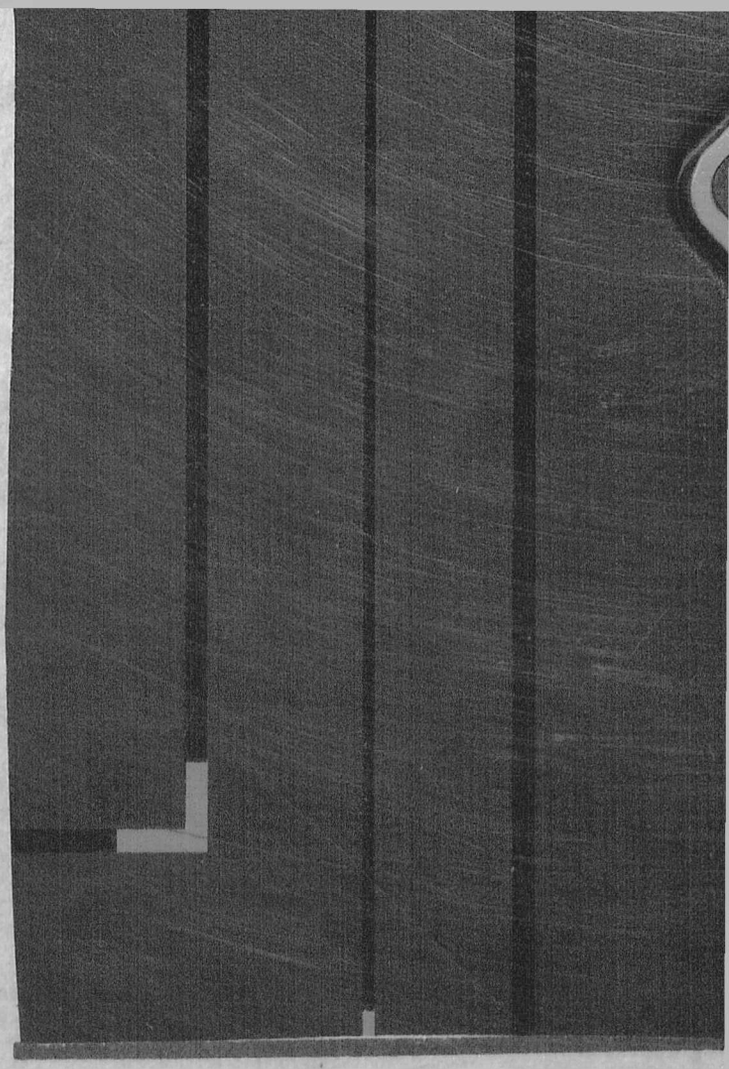
Сов. культура. - 1991. - 27 апр. - с. 14

РАМПА

Семья на сцене — семья в жизни

Актерские семьи, кланы, династии. Сколько поистине блистательных имен украшало русский театральный небосклон! Вспомнить хотя бы один лишь московский Малый, Дом Островского. Впрочем, великолепны, конечно же, и «созвездия» других театров мира. Что подтверждает статья в журнале «Тайм», перепечатываемая нами с некоторыми сокращениями.



С давних пор средством достижения идеальной работы труппы считается постоянный ее состав. И это естественно. Ведь хорошее знание друг друга позволяет актерам достигать большей открытости и эмоциональной честности.

Развивая эту мысль, можно прийти к выводу, что лучший актерский ансамбль должен состоять из членов одной семьи. Причем желательно, чтобы они исполняли роли, соответствующие их реальным характерам. Истинность этого утверждения время от времени проверяется супружескими парами (от Лантсов до Хьюма Кронина и Джессики Тэнди) и целыми семейными актерскими кланами (такими, как Бэрриморы и Терри), иногда собирающимися на сцене. Ярчайшим примером последнего варианта могут служить две новые театральные постановки лондонского Уэст-энда, в которых участвуют наследники двух выдающихся актеров XX века — Лоуренса Оливье и Майкла Редгрейва.

В восстановленном спектакле по пьесе Дж. Б. Пристли «Время и семья Конвэй» (1937) Джоан Плоурайт, вдова Лоуренса Оливье, играет сумасбродного «матриарха» провинциальной британской буржуазной семьи в период между первой и второй мировыми войнами. Ее дочери Тамсин и Джули-Кэйт исполняют роли двух из пяти избалованных отпрысков семьи, а сын Ричард стал режиссером этой салонной мелодрамы. Дочери Редгрейва Ванесса и Линн встретились на сцене впервые — как две из «Трех сестер» Чехова (третью играет их племянница Джемма).

В обеих пьесах ставится вопрос о том, может ли семья служить своего рода оплотом борьбы против несправедливости окружающего мира: оба сюжета концентрируют внимание зрителей на том, как обыденность повседневной жизни может влиять — почти незаметно — на события эпохальной важности. И в той, и в другой пьесе герои рассуждают о будущем с кипучим оптимизмом. Однако, наступив, это будущее окатывает их холодным душем невзгод и страданий, лишенных видимого смысла.

В пьесе Пристли, как и в большинстве других его работ, глубокие размышления сочетаются с поверхностными театральными эффектами, а режиссер-новичок Оливье демонстрирует некоторые стороны таланта своего отца. Он искусно связывает воедино переходные моменты спектакля: в первом и последнем акте действие происходит в один и тот же вечер 1919 года, тогда как второй акт — это взгляд в будущее или, быть может, сон или фантазия о том, что станет с семьей в тот же вечер двадцать лет спустя. Каждый акт завершается одним и тем же мотивом: перед зрителем возникает видение — коллекция заброшенных на чердак игрушек. Прикрытые куском холста, там в одной куче лежат коробки с маскарадными костюмами, конь-качалка и... воспоминания о знатном семействе.

Чрезмерная резкость, с которой звучит первый акт, очевидно, призвана лишь подчеркнуть поэтику откровения во втором и третьем. В спектакле сестры Оливье-младшего излучают красоту и артистизм. И при этом великолепно играют. Несмотря на нехватку опыта совместной работы, в них присутствует чувство духовного родства.

В «Трех сестрах» актерский состав как бы перевернут: по иронии обстоятельств Ванесса, старшая и наиболее одаренная из сестер Редгрейв, играет роль, пожалуй, наименее драматичную — Ольги, старшей из сестер Прозоровых. И все же зрителям больше всех запоминается, как всегда, именно она, Ванесса. В заключительном эпизоде спектакля оставшаяся без любви Ольга стоит на авансцене вместе со своими, тоже теперь лишенными любви, сестрами. И ее страстный шепот слышен даже в самом дальнем ряду. Ее красновато-золотистые локоны завиты и коротко подстрижены, ее голубые глаза затуманены, ее угловатая красота, похоже, сморщена годами. Когда-нибудь, говорит она, вся эта боль будет оправдана. Когда-нибудь жизнь будет иметь значение. А до той поры нужно просто жить дальше. И она медленно, почти беззвучно увлекает сестер детской песенкой и танцем-покачиванием, в котором они толкают маятник часов вновь в сторону надежды.

Спектакль примечателен и еще одним — потрясающей постановкой Роберта Стуруа, художественного руководителя Театра им. Руставели в Грузии. В то время как никто так оглушительно не смешон, как тетя Линн, и неумолимо не правдив, как тетя Ванесса, племянница Джемма доказывает, что будущая великая Редгрейв — или просто Редгрейв — может играть с ними на одной сцене.

Яркое сияние «звезд» Редгрейв делает спектакль поистине уникальным.

Публикацию подготовил

П. ЧЕРНЫШОВ.

● *Сцена из спектакля «Три сестры».*

● *Сцена из спектакля «Время и семья Конвэй».*

Фото из журнала «Тайм».